

А где-то в Ватикане белый дым.

Дима – молодой человек 32 лет

Лена – жена Димы, 29 лет

Следователь

Заключённый 1

Заключённый 2

Директор детского дома

Прокурор

Адвокат

Судья

ДЕЙСТВИЕ 1

Картина 1

Вечер. в квартире полумрак. Свет выключен. Она сидит за столом, ждёт, явно нервничает. В углу две большие собранные сумки. Проходит достаточно много времени в тишине и одиночестве. Открывается дверь, входит он. Он молчалив, в своих мыслях, судорожно снимает одежду, не глядя бросает на диван. Ходит взад-вперёд по комнате, что-то бурчит себе под нос. Видно внутреннее возбуждение, что-то явно тревожит и не даёт успокоиться.

ЛЕНА (после долгого молчания, глядя на него) Ну как?

ДИМА (нервно) Как-как...его отпустили...ты представляешь, этого гада отпустили... ему даже обвинение не предъявили. За недостаточностью улик... типа, свидетелей нет, а ребёнок мог всё придумать... сволочи.

ЛЕНА А я тебе говорила – не лезь! Не лезь туда. Зачем тебе это надо? Сами разберутся.

ДИМА Кто сами?! Девочка шести лет и слесарь тридцати? Ей шесть лет! Ты пойми - ШЕСТЬ! Всего шесть! У неё никого нет: ни родителей, ни дедушек, ни бабушек, ни-ко-го! Один дет.дом и всё. Всё, что она видит – это дворик с забором. И кто ей поможет? Кто?

ЛЕНА Ну конечно ты, кто же ещё. (внутренне заводясь) Ты же у нас нянька гениальная. Заступник деток обиженных. Папа всем бездомным...

ДИМА (растеряно) Ты...ты чего?

ЛЕНА Да ничего! Я устала. Устала! Слышишь? А ты не думал, что она всё придумала? Соврала тебе про этого «дядю Витю». А?

ДИМА Ты чего? Зачем?

ЛЕНА А кто её знает, ей же «всего шесть лет», сочинять любит. Медики же её осмотрели? Всё в порядке?

ДИМА И слава Богу, что всё в порядке!

ЛЕНА Значит не было никакого «дяди Вити».

ДИМА Да ты чего в самом деле? Я верю ей. И она мне доверяет, понимаешь, доверяют! Они мне все верят. Они мне все свои тайны рассказывают. маленькие детские тайны, желания. Они всем со мной делятся. Я гулял с ними, и Оля мне сказала, что дядя Витя позвал её в гости и просил раздеться. Она говорит, что он смотрел на неё и трогал... понимаешь, этот подонок трогал её. А потом сказал, чтоб она молчала, - это будет их маленький секретик. А они его отпустили. Терпеть не могу, гадов... Лучше б я не вызывал эту полицию, а сам его тогда...

ЛЕНА Что сам? Что? Что ты ему сделал бы? Пальцем погрозил? «Ай-ай-ай» сказал бы?

ДИМА Да ты чего в самом деле взъерепенилась сегодня, не пойму.

ЛЕНА Не понимаешь? Ну конечно, куда тебе замечать наши мелкие проблемки! У тебя же катастрофы мировых масштабов: дети в Африке голодают, да сотнями мрут по всему миру. У тебя ж детские дома переполнены и бедняжки пропадают без твоего внимания!..

ДИМА Ты зачем это?.. Не говори так...

ЛЕНА Ты что, вообще ничего не видишь? Тебя устраивает наша жизнь?

ДИМА М..да...

ЛЕНА А меня нет! Я устала, слышишь – У-СТА-ЛА! Я же без мужа живу. Тебя же дома никогда нет. И ладно, если бы деньги приносил, а то ради чего? Кто ты? Кукольник. клоун по вызову...Проводишь детские праздники, ну так бери за это деньги.

ДИМА (тихо) Я беру.

ЛЕНА Ага. Раз берёшь, три бесплатно. Вот где ты сегодня был допоздна?

ДИМА В отделении, показания давал... потом в детский дом поехал к Оле.

ЛЕНА Зачем? Зачем ты опять туда поехал?

ДИМА Мы погуляли, я с ней разговаривал...

ЛЕНА Разговаривал. А ты со мной когда-нибудь разговариваешь? Или тебе совсем на меня наплевать? Тебе какие-то дети...чужие дети дороже своей семьи? Жены? Чего молчишь?

ДИМА (тихо) Не знаю.

ЛЕНА «Не знаю»? Ты сказал «не знаю»? Просто великолепно! Хотя другого я и не ожидала.

ДИМА Послушай

ЛЕНА Нет, это ты послушай. Мне надоело это. Надоело! Сколько можно? «Зайка, давай сто рублей туда отправим по благотворительной программе... Давай пятьсот рублей сюда отправим по благотворительной программе... Давай какие-нибудь вещи пособираем по соседям, я отвезу в центр для малоимущих... Ой, новый год, пойду в дет.дом дедом морозом, детишек поздравлю...» Сколько у тебя этих благотворительных программ? В детском доме, в больнице... где ещё? А кто мне что-нибудь пришлёт по благотворительной программе? А?

ДИМА Но это дети... это же - дети...как ты так говоришь? Это же дети. Они хотят жить, радоваться, быть счастливыми. Это же маленькие люди со своими маленькими, наивными, но очень простыми желаниями. Им надо кого-то обнять, им надо, чтоб их обнимали. Им надо с кем-то поговорить, открыться, поделиться секретом, своими какими-то

достижениями, услышать слова поддержки, одобрения... им надо в кого-то верить и кому-то верить. Им надо жить! Им хочется жить! А ты знаешь, что в дет.доме не хватает персонала и поэтому дети не гуляют, не с кем им гулять. И эти малыши сидят в четырёх стенах. Они могут только в окна глядеть. Ты пройди как-нибудь мимо, посмотри – они же все в окна выглядывают. Долго смотрят на небо, на улицу, на нас, идущих равнодушно по улице... и я прихожу и гуляю с ними... так просто гуляю... играю.. держу за руки, разговариваю, слушаю их. И они смеются. Представляешь, они смеются, улыбаются. Они ведь счастливы. Много им надо? Каких-то полтора– два часа моего времени и дети счастливы. Ты бы видела их глаза. Я же по ним вижу, что меня ждут и мне рады, а когда я ухожу – в глазах надежда и даже уверенность, что я скоро опять приду. Я не могу их обманывать, я прихожу к ним. Да, я прихожу к ним и клоуном и дедом морозом. А что в этом такого? Они также ждут новый год, так же ждут деда мороза. Они также хотят праздника, если я могу дать им этот праздник, почему я не должен делать этого?..Ты понимаешь, я счастлив, когда они радуются, когда они улыбаются. Я же знаю все их дни рождения. А у Сашки день рождения также как у меня – 6 декабря. В один день родились. И я прихожу и поздравляю их так, как должны поздравлять мама и папа, которых у них нет. А как понять ребёнку, почему день рождения есть, а мамы и папы нет... такого не должно быть... Да, я хожу туда...и буду ходить.

ЛЕНА Удивляюсь, как ты ещё по воде не ходишь. Прямо Христос какой-то. Все их дни рождения знаешь. А ты помнишь, когда у меня день рождения? Ты знаешь, чего я хочу? Когда ты мне последний раз цветы дарил? На восьмое марта? А сейчас середина мая уже... Благотворитель.. Да пойми ты, эти дет.дома живут безбедно, их и государство содержит, и спонсоры, да шефы ещё какие-нибудь у всех есть. А их подарки уж получше твоих чупа-чупсов на новый год.

ДИМА Спонсоры не гуляют и за руку не держат. Раз в год сфотографируются с детьми для отчёта и всё. (немного помолчал) Я каждый день вижу детей. Вижу много счастливых. С родителями. Но есть много желающих такого же счастья, и для них тепло руки важнее каких то подарков. Вот идёшь, а они идут рядом и держат за руку, за куртку, за брючину... они не хотят отпускать. Сидишь, и они сидят рядом. Ничего не говорят, просто сидят рядом, прижавшись, так чтобы касаться, чувствовать тебя. Встаёшь, а они хватают тебя за руку, за куртку, за брючину... я не могу туда не ходить.

ЛЕНА Вот и прекрасно. Тогда я смогу... я... я ухожу от тебя.

ДИМА Как...

ЛЕНА Да, ухожу. Я тоже хочу быть счастливой! Мне 29 лет, я тоже хочу детей, своих детей!

ДИМА Так я...

ЛЕНА А для этого нужен мужик нормальный, а не размазня вроде тебя. Я хочу, чтоб у меня дома был мужик! Чтоб в постели был мужик! Надоело мне это облизывание ушей, шептания и нежная типа «любовь»: «милая, тебе хорошо?... я не сделал тебе больно?..» А я хочу, чтоб мне сделали больно! Хочу хоть раз жёсткого, страстного секса, грубых мужских объятий. И чтоб домой приходил. А если на работе, так чтоб не забесплатно. Не вышла бы за тебя, может сейчас в шубе норковой ходила, да в Тайланд летала два раза в год. Такой

должен быть мужик! И чтоб своих детей любил, своих, слышишь! Не чужих, не детдомовских, а своих! Своих! Моих чтоб детей любил. Наших с ним детей!

ДИМА Так я же хочу, хочу! Хочу! Не получается...

ЛЕНА Я беременна...

ДИМА (в смятении, потом радостно) Так это... это же...Лена..я люблю тебя! (пытается обнять Лену)

ЛЕНА (отталкивая его от себя) Да не от тебя, дурак.

ДИМА (растеряно) Как...

ЛЕНА Да, я встречаюсь с другим. Уже больше полугода. (молчание) А что? Тебя дома не бывает. Ты совсем забыл меня.

Тишина. Сидят не глядя друг на друга. Довольно долгое молчание.

ЛЕНА Уже три недели.

ДИМА Я буду любить его как своего.

ЛЕНА Тебе есть кого любить как своего. Их люби.

ДИМА И их буду любить. Они меня папой называют.

ЛЕНА Папа... римский... Ещё бы папа-мобиль тебе... да вообще хоть какой-нибудь мобиль.

С улицы слышен звук подъезжающего автомобиля, сигнал клаксона.

ЛЕНА Это он. За мной приехал. Я пошла.

ДИМА Он не зайдёт?

ЛЕНА Зачем? (с издёвкой) Морду бить будешь?

ДИМА Нет. Познакомиться.

ЛЕНА Ну ты и... у тебя жена беременна от другого, уходит к этому мужику, а ты познакомиться с ним хочешь... когда ж в тебе хоть что то мужское проснётся?

Берёт сумки

ДИМА (вставая) Давай помогу.

ЛЕНА Куда ты? Сиди, сама спущусь. Ты завтра в обед не приходи только, мы приедем все мои вещи заберём. Надеюсь, с разводом у нас проблем не будет, быстро всё решим. Ты ведь добрый, не сможешь сказать «нет»

Сигнал автомобиля

Ну всё, прощай... папа... (уходит)

Дима подсакивает к окну, выглядывает, прячется, чтоб его не было видно. Слышен звук хлопающей двери, звук мотора. По окну «пробегают» свет фар, машина уезжает. Дима стоит некоторое время у окна. Долго и неподвижно смотрит. Начинает ходить по комнате, что-то бурча под нос, размахивая руками, сжимая-разжимая кулаки. Наносит в воздух по воображаемому противнику удары кулаками. Ходит по комнате всё быстрее и быстрее, как бы внутренне заводя сам себя. Уходит из квартиры.

КАРТИНА 2

Отделение полиции, кабинет следователя.

СЛЕДОВАТЕЛЬ То есть вы признаёте, что убили Квашего Виктора Ивановича?

ДИМА А?... да... это я.

СЛЕДОВАТЕЛЬ С какой целью? Зачем?

ДИМА Что?

СЛЕДОВАТЕЛЬ Зачем ты его убил? Из-за личной неприязни, по религиозным мотивам, в целях завладения его имуществом или так, по неосторожности в результате ссоры, драки. Может он любовник твоей девушки, жены... я-то не знаю, но причина должна быть.

ДИМА Причина...

СЛЕДОВАТЕЛЬ (после паузы) Да, причина, причина.

ДИМА (не понимая. Как бы не здесь) Причина...

СЛЕДОВАТЕЛЬ Ну хорошо. Ты шёл к нему уже с намерением убить? Ты продумывал план убийства, готовился к нему или всё произошло неожиданно?

ДИМА Не знаю. Неожиданно... Хотя я хотел его убить, и даже убивал не раз... но это в мыслях... я только представлял себе как это было бы, если бы я смог. Но вот так, по настоящему, наяву... Нет, я не хотел. Я не знаю как это получилось.

СЛЕДОВАТЕЛЬ Ты же его просто забил. Кулаками. На нём и места живого не осталось. Ты ведь труп уже добивал. Хоть это то понял? Владеешь каким-нибудь боевым искусством?

ДИМА Нет. Нет, вы что. Никогда ничем и не занимался. Я даже не дрался никогда. Нет, не потому, что я боялся быть побитым, я не мог ударить. Я всегда думал, если я ударю, человеку же больно будет... Меня били пар у раз, но я даже не отвечал, просто терпел удары. Мне не было больно, я думал, что на такое реагировать не стоит. Мне всегда казалось, что если я ударю, могу убить. Не знаю почему, но представлялось, что от удара сломается челюсть, нос, думалось даже, что кадык выбью... я боялся таких своих мыслей. Один раз я даже своему школьному товарищу не помог. На моих глазах его стали бить трое ребят из нашей же школы. Я хотел вмешаться, а почему то не стал... ушёл. И самое ужасное то, что я не боялся за себя, нет. Мне стало страшно, что если я вмешаюсь, то поколечу их. А меня потом долго трусом считали в классе... да и до сих пор наверное считают. Заслужил. Это наверное самый постыдный момент в момент в моей жизни, который я хотел бы вернуть и сделать всё по другому: вмешаться и помочь тогда Феде. (пауза) Да, до сегодняшней ночи я не дрался... не бил... не убивал...

СЛЕДОВАТЕЛЬ Ладно, хватит биографии, пока. Всё, что надо, проверим, выясним. А твои фантазии, оказывается, очень даже реальны - бьёшь сильно. Ну, так что, готов писать чистосердечное или как?

ДИМА Да.

Следователь кладёт перед Димой лист бумаги, ручку.

СЛЕДОВАТЕЛЬ Пиши: «Я, такой-то такой-то, такого-то числа зашёл к тому-то»... ну и дальше всё подробно: как, что, зачем... чем убивал, как бил... ну вообще всё, что помнишь, желательно со всеми подробностями.

Дима берёт ручку, рука сильно трясётся. Роняет ручку. Подымает, опять роняет. Подняв ещё раз, пытается писать, но из-за сильной дрожи в руках ничего не получается.

ДИМА (заикаясь) Я не могу... рука дрожит..

СЛЕДОВАТЕЛЬ Говорить можешь?

ДИМА Могу.

СЛЕДОВАТЕЛЬ Ну давай тогда сюда запишем (достаёт диктофон), а на бумаге завтра.

Наливает стакан воды, Дима выпивает воду.

СЛЕДОВАТЕЛЬ (включая диктофон) По-оехали. Я слушаю.

ДИМА (после некоторого молчания. видно, что настраивается, пытается внутренне успокоиться, глубоко ровно дышит) Я, Черепанов Дмитрий Николаевич, тысяча девятьсот восьмидесятого года рождения, хочу дать чистосердечное признание в том, что именно я убил Квашего Виктора Ивановича. (следователю) Можно с самого начала, чтоб всё понятно было? (следователь кивает головой). Я работаю в театре кукол актёром, а в свободное время хожу - как это правильно сказать, волонтером чтоли - в детский дом и детскую больницу, в основном в онкологическое отделение. Я хожу туда по собственному желанию, никто меня не просит специально и не платит. Я играю с детьми, гуляю с ними, провожу дни рождения, праздники, показываю какие-то мини-спектакли... дети откликаются на это... они самый честный и благодарный зритель. Они никогда не обманывают, это же дети. Их глаза не врут, и я вижу по их глазам, что я им нужен. Да, я им нужен. В детский дом я прихожу уже третий год. Меня даже дети полюбили. Вы знаете, какое это счастье, когда тебя любят дети? И я их полюбил. Всех. И вот два дня назад я гулял с детьми, и одна девочка шести лет, Оля, мне говорит, что дядя Витя, ну это Квашев, пригласил её к себе (он в детском доме сантехником что ли подрабатывал, и у него там есть подсобка такая рядом с подвалом), так вот, он пригласил её и попросил раздеться... потом смотрел и трогал... смотрел и трогал, гад... Как вы думаете, как должен был бы поступить нормальный мужчина? Нормальный, адекватный отец, или даже не отец, а просто любой нормальный мужчина? Наверное, поймать и проучить как-то. А я... а я же не дерусь... я же добрый... Леопольд. Я полицию вызвал. На вас понадеялся. Пусть всё по закону будет, пусть судят за соращение малолетних... только отпустили его... вчера днём. Сутки подержали и отпустили. Девочку медики осмотрели, всё в порядке. Руководство дет.дома не стало заявление писать подавать на своего работника. Проверок побоялись, шумихи лишней им не надо. А я Оле никто по закону, чтоб чего-то требовать, разбираться. Его проверили, ничего на него нет. Чистый, белый, пушистый гад... и отпустили его. А каково Оле? Ей не поверили... Что должен чувствовать маленький человек, когда он говорит правду, а ему не верят? Говорят: «замолчи, не ври, ты всё выдумываешь». Это же первая такая несправедливость... это же непонимание... это же трагедия для ребёнка – он говорит правду, а ему не верят. Ему не хотят верить. И почему? Только потому, что он ещё мал и склонен выдумывать. И ей не поверили. А я поверил... я верю ей и сейчас. (после паузы) С этим Виктором мы были знакомы, он работал в дет.доме уже лет шесть или даже семь, не знаю точно. Он скрытный какой-то, сам себе на уме, с ним и разговора никогда не складывалось. Хотя пару раз он даже приглашал меня себе чайку выпить. Его дом прямо рядом с детским домом, собственно, поэтому ему и было удобно там подрабатывать. Если б я знал раньше какие у него интересы... я бы раньше всё это... Это каким же надо быть подонком, чтоб ребёнка... малолетнюю, беззащитную девочку, которой и так в жизни не сладко - мамы, папы нет, а тут ещё этот... «дядя Витя». Убивать таких надо сразу.

СЛЕДОВАТЕЛЬ И ты пошёл убивать.

ДИМА Нет, нет, я не хотел убивать. Это же только мысли, это эмоции. Я поехал к Оле. Меня даже по началу пускать не хотели, но потом пустили. Мы с Олей говорили. Мы долго говорили. Я просил её больше не делать так, не ходить к дяди Вите. Я всех детей попросил об этом. Потом я пошёл домой. По дороге я всё думал. Так часто вижу всё это по телевизору, в интернете. А тут раз - прямо здесь педофил...и я его знаю. Я...я...я накрутил себя. Мне всё вспоминались случаи из интернета о пропавших детях, об убитых детях. О насилии над ребёнком. Это же всё есть. Это же жестокая действительность. Как? Как взрослые люди позволяют себе издеваться над детьми? Как? Как у них рука поднимается на беззащитных ангелочков? Как? Это же каким зверем надо быть, чтоб бить, регулярно бить своего или приёмного, но тоже ведь уже своего ребёнка? Как можно? А что чувствуют дети? Вы когда-нибудь думали, что чувствуют дети, о чём они думают, когда их бьют. Какую боль они терпят. Какие физические и моральные страдания они испытывают. Вот что чувствовал годовалый ребёнок, сидя в закрытой машине на жаре девять часов? Без еды, воды, воздуха! А ведь он живой...ему всего год, но ведь он живой. Он что-то чувствовал... каково ему, такому маленькому, было умирать? Я пытаюсь, и не могу представить. Я рыдаю, думая об этом. А что думал и чувствовал мальчик семи лет, когда его и его брата родная мама с пятнадцатого этажа кидала? Что? Ему семь лет. Он уже понимал, что мама идёт его убивать. Что он думал? О чём просил мать? «Не убивай нас, не надо! Мамочка, мы любим тебя! любим!..» А она их бросила... О чём он думал в эти секунды полёта? Я боюсь себе представить...я не могу... он ведь, наверное, падал и кричал «мама», он звал её. Сколько раз я думал и пытался понять, что чувствуют дети, которые никак не могу себя защитить. Никак! Они просто покоряются взрослому. Они знают, что сейчас им будет больно, но они идут на это, потому что деваться им некуда. У них нет выбора. А они малыши, которые не виноваты, что их родили и не любят их. Они хотят жить, они хотят улыбаться... Я не понимаю, я не могу принимать такой мир, мир жестокости к детям. Я шёл и думал об этом. Я о многом думал. (пауза) Придя домой, поссорился с женой, и она ушла от меня. Я остался один на один с моими мыслями, с моими страхами. Я не помню, долго ли я был дома, помню, что вышел на улицу и пошёл к дому Квашего. Это не особо близко, но вобщем-то и не далеко, четыре остановки. Я шёл и снова вспоминал истории про убийства, насилие над детьми... Они же плачут, они же просят не трогать их, они же не хотят умирать, им ведь страшно... им страшно, что будет больно. Я шёл, и у меня рождались казни для всех. Для всех, кто издевается над детьми, для всех, кто делает им больно. Я был в таком состоянии, что, казалось, мог проломить кирпичную стену. Я не помню, как я пришёл к дому, поднялся на этаж, позвонил или постучал в квартиру. Помню уже, что дверь открывается, и я его ударяю... первый раз я бил человека. Он отшатнулся, я зашёл, закрыл дверь и стал бить его руками. Я бил его за Олю. Я бил и того американца за Диму Яковлева. Я бил и эту мать за двух ею выброшенных с пятнадцатого этажа сыновей. Я бил этих всех приёмных родителей, которые издевались над детьми: давали ложками горчицу есть в наказание, суперклеем ладони к стене приклеивали. Что говорит, о чём просит ребёнок, которого приклеивают к стене? Как он потом? Кожу с ладоней на стене оставляет? А что думает? Наверное «мамочка, не надо. Мамочка, мне больно...». Больно! Им всем было больно! И я бил их мучителей. Бил этого поддонка, который изнасиловал

пятилетнюю, ПЯТИЛЕТНЮЮ! девочку, свою соседку. А чтобы ничего никому не сказала, бил палкой по голове, пока не умерла. Я бил и тех родителей, которые посадили своего ребёнка на цепь и заморили голодом... а он ведь долго умирал... очень долго. О чём он думал. Чего он хотел. Что он просил у родителей, у Бога? Он хотел жить или уже хотел умереть? Это страшно... а ведь это ребёнок... а этот дядя, который в новый год своих трёх племянников запер в не отапливаемой бане, чтоб в доме пить не мешали. Тридцать градусов мороза, дети без верхней одежды сутки в бане. О чём они думали? На что надеялись? Каково им было? Они медленно замерзали...они замёрзли. Я не могу себе представить и капли боли, страха, которые все они испытали. За что это всё детям? Я не знаю...я не могу понять. Я бил. Бил. Бил...(закрывает лицо руками, слышны всхлипывания. Руки и даже всё тело дрожат)

Молчание. Следователь наливает стакан воды.

СЛЕДОВАТЕЛЬ То есть ты решил самосуд устроить.

ДИМА Я не знаю...пишите так.

СЛЕДОВАТЕЛЬ Ну, сам напишешь. Пока достаточно. Всё понятно.

ДИМА Меня на долго посадят?

СЛЕДОВАТЕЛЬ Это не мне решать. Суд всё скажет. Но вот чистосердечное, полное признание вины, сотрудничество со следствием тебе явно на пользу пойдут. А если ещё полностью раскаешься в содеянном, так вообще полсрока скостить могут.

ДИМА Я не знаю. Мне кажется, я не раскаиваюсь. Почему-то у меня сейчас мысли, что Оля в безопасности, и от этого легче. Может я убил маньяка? Может кого-то спас от изнасилования или...того хуже.

СЛЕДОВАТЕЛЬ Ну, это тоже не нам с тобой решать. Ладно, скорее всего завтра тебе будет предъявлено официальное обвинение, а пока, ты понимаешь, я вынужден задержать тебя. Ну и скорее всего до суда тебя не отпустят. А там дальше суд решит твою дальнейшую судьбу. Ясно?

ДИМА Да. Понял.

СЛЕДОВАТЕЛЬ (вызывает охранника) Уведи его.

Диму уводят.

КАРТИНА 3

Камера следственного изолятора. В камере Дима, заключённый 1, заключённый 2.

ЗАКЛЮЧЁННЫЙ 1 Ха, педофила мочкануть. Ну ты красавчик! Хотя зря. Легко он отделался, надо было его сюда сначала, чтоб поучили малость, а уж тут и мочить уже можно.

ЗАКЛЮЧЁННЫЙ 2 Помолчи. (Диме) А ты чё дрожишь то? Боишься?

ДИМА Ну я здесь первый раз.

ЗАКЛЮЧЁННЫЙ 1 Так я тоже первый. Здесь. Так-то по малолетке ещё ходил. А здесь первый.

ЗАКЛЮЧЁННЫЙ 2 Да помолчи ты. Не бойся, по нормальной статье идёшь. Тут, если правильно жить, так и человеком можно стать.

ЗАКЛЮЧЁННЫЙ 1 Не, ну испытания то будут, придётся малость потерпеть. Смотри, куда попадешь.

ЗАКЛЮЧЁННЫЙ 2 Научим, подскажем как здесь выжить. Я смотрю ты парень то нормальный.

ЗАКЛЮЧЁННЫЙ 1 Педофилов мочит – правильный парень. Ха-ха.

ЗАКЛЮЧЁННЫЙ 2 Ты давай что-нибудь про себя расскажи.

ДИМА А вы видели когда-нибудь маленькие гробы?

ЗАКЛЮЧЁННЫЙ 1 Чё?

ДИМА Маленькие гробы...видели детские похороны? Я видел. Это страшно. Гроб, но маленький. Почему дети умирают? Вот вы мне скажите, почему дети умирают? Не знаете. И я не знаю. А они ведь дети. Дети! Они же ничего не видели ещё, ничего не познали. А ведь и у них было предназначенье. Не может быть предназначенье – умереть. Умереть – это итог, это конец миссии. Зачем дети умирают? Это несправедливо. Они хотят жить! Кто за них решает, что им надо умереть? Если это Бог, то зачем позволяет родиться? Зачем? Я не могу понять. Говорят, дети искупают грехи родителей... не понимаю, почему должен страдать ребёнок? Он-то ни в чём не виноват. Где справедливость? Где милосердие высшее, если это опять же от Бога идёт, кто-то нагрешил, а ребёнок искупает? Страдает? Мучается? Умирает? Нельзя так. Вы были в детском онкологическом отделении? Страшное место. Нет, дети там все добрые, отзывчивые, а страшно от того, что понимаешь, что большинство из них умрёт. Я прихожу, показываю им спектакль, поздравляю с днём рождения. Потом прихожу через неделю, а кого-то уже нет...вообще нет...совсем нет...на свете нет. И это в голове не укладывается. Зачем дети болеют такими смертельными болезнями? Они должны бегать на улице, шуметь, смеяться, ну максимум болеть ветрянкой. А они же задают себе эти вопросы: «почему я...когда я выздоровею...» и вы знаете, все, все они думают о будущем. Все верят, что выздоровеют. Все хотят кем-то стать. Те, кто постарше, они хотят влюбляться, они мечтают об этом. Мечтают о нормальной жизни... не об айфоне пятой модели, они мечтают снять маску и выйти на улицу...просто на улицу...

Вот вы говорите «испытания». Да что эти здешние испытания по отношению к тому, что испытывают эти дети! Каждый день испытания, преодоления, надежда. Сюда попал, значит, есть за что, значит, заслужил себе испытания. А они. Им за что это? Они в чём и перед кем виноваты? Вот здесь сидят, на что надеются? На досрочное освобождение. Ну даже если не оно, то всё равно есть уверенность, что отсюда выйдешь. После полного срока, но выйдешь. А там, в больнице, там ведь уверенности нет. Там только надежда. Одна надежда. Сосед твой умирает, а ты надеешься, что ты выживешь, хотя знаешь, что и сосед тоже очень надеялся... Я просто не могу представить о чём они думают. Я не могу понять, почувствовать их боль... мне стыдно за это. Я пытаюсь, но не могу. Они же в шесть лет понимают гораздо больше чем мы.

ЗАКЛЮЧЁННЫЙ 1 Да ты какой-то юридивый. Кстати, на суде такое неси, так тебя ещё и невменяемым признают.

ЗАКЛЮЧЁННЫЙ 2 Да правильные вещи говорит, только мы все далеки от этого.

ЗАКЛЮЧЁННЫЙ 1 А я вот детей не хочу.

ДИМА Дурак.

ЗАКЛЮЧЁННЫЙ Чего?

ДИМА Дурак, говорю. Вот тоже несправедливость - многие кто хочет детей, не имеют их, а кто не хочет – раз за разом рожают, да в дет.домах оставляют. Почему так?

ЗАКЛЮЧЁННЫЙ 1 У меня может где и есть детёныш мой, да я не знаю этого. Дай Бог, чтоб и не узнал. Ха-ха.

ДИМА

Ты будешь жить на свете десять раз,
Десятикратно в детях повторённый,
И вправе будешь в свой последний час
Торжествовать над смертью покорённой.

ЗАКЛЮЧЁННЫЙ 1 Чё это?

ДИМА Это Шекспир. О бессмертии. Ведь дети – это наше продолжение, наше бессмертие.

ЗАКЛЮЧЁННЫЙ 1 Чё, хочешь бессмертным быть?

ДИМА Нет. Хочу, чтоб дети жили.

ДЕЙСТВИЕ 2

Зал судебного заседания.

СЕКРЕТАРЬ Встать, суд идёт.

СУДЬЯ (выходит) Слушается дело Черепанова Дмитрия Николаевича об убийстве им Квашего Виктора Ивановича. (Диме) Подсудимый, признаёте себя виновным?

ДИМА Да.

СУДЬЯ Хорошо. Слушанье дела объявляю открытым. Сторона обвинения, прошу изложить суть дела.

ПРОКУРОР Ваша честь семнадцатого мая этого года, гражданин Черепанов отправился в квартиру Квашего Виктора с намерением убить последнего. Причиной убийства стало якобы растление малолетней девочки, воспитанницы детского дома №24 Квашевым, что на тот момент не подтвердилось и Квашев был отпущен сотрудниками полиции. Черепанов, не согласившись с таким решением правоохранительных органов, решив совершить самосуд, отправился на убийство. Надо сказать, что ни у подсудимого, ни на месте преступления, не было найдено никакого оружия. Убийство было совершено путём нанесения ударов кулаками в область головы, лица и тела потерпевшего. В связи с вышеизложенным, прошу применить к подсудимому статью №105 «предумышленное убийство» и назначить наказание в виде семи лет лишения свободы в колонии строгого режима.

О том, что именно Черепанов приходил в квартиру к Квашеву в тот вечер, есть свидетельские показания и я прошу пригласить свидетеля со стороны обвинения для дачи таковых показаний.

АДВОКАТ Ваша честь, защита ничего не имеет против свидетеля со стороны обвинения, но не будет ли это совершенно ненужной тратой времени. Что может сказать свидетель? Что видел Черепанова, как он входил в дом, квартиру Квашева? А зачем это доказывать,

когда это и так ясно. Подсудимый полностью признал свою вину и не отказывается от обвинения в убийстве.

СУДЬЯ Суд принимает ваше возражение и не считает важным сведения свидетеля.

АДВОКАТ Ваша честь, основной задачей суда сегодня является не доказательство вины подсудимого (она итак ясно – виновен), сегодня нам надо взвесить все «за» и «против» столь сурового наказания этому молодому человеку. Убил? Да! – должен сидеть. Но по той ли статье надо сажать, давать ли полный срок, вот о чём стоит подумать. Было ли это спланированное убийство? Нет! Обвинение сказало, что никакого оружия найдено не было. Так пойдёт ли человек на убийство с голыми руками? Если он готов убить, то должен продумать всё до мелочей, а полагаться на случай в драке, надеясь только на свои кулаки – это далеко не продуманное убийство, тем более известно, что он никогда не владел никаким боевым искусством. Это раз. Во-вторых имеются смягчающие обстоятельства: он полностью признал свою вину, сотрудничал со следствием, и искренне раскаялся в содеянном. В третьих, убийство было совершено в состоянии аффекта. Таким образом, подытоживая всё вышеизложенное, прошу рассматривать дело с точки зрения статьи №119 «убийство по неосторожности», что предполагает лишение свободы до 5 лет, а учитывая все смягчающие факторы, предлагаю назначить наказание моему подзащитному сроком не более чем три года. Если же рассматривать убийство с точки зрения статьи №107 «убийство в состоянии аффекта», то и эта статья предполагает ограничение свободы сроком на три года. Таким образом, три года – это тот максимальный срок, на который мы можем по закону лишить свободы моего подзащитного.

К тому же в процессе следствия вскрылись новые обстоятельства в отношении Квашего. Там факт педофилии вполне мог присутствовать. При обыске у него в квартире нашли фотографии порнографического содержания с участием малолетних детей.

ПРОКУРОР Протестую. Это материалы совершенно другого дела.

АДВОКАТ Протестую. Это дело напрямую связано с обвинением моего подзащитного. Потому как если Квашев действительно педофил, то Черепанов убил не невинного человека, а вполне преступника и, подчеркну, преступника, посягнувшего на неприкосновенность ребёнка.

СУДЬЯ Ваш протест принят. Данный факт будет учтён. Что у вас ещё?

АДВОКАТ У защиты есть свидетель – директор детского дома №24, где работал и Квашев, и куда приходил волонтером Дмитрий Черепанов.

ПРОКУРОР Ваша честь, что именно может подтвердить или опровергнуть данный свидетель?

АДВОКАТ Защита настаивает на том, что убийство не было спланировано заранее, и чтобы смягчить формулировку статьи вменяемой вами подсудимому, необходимо выслушать данного свидетеля, непосредственно знающего и Черепанова и Квашего. Тем более свидетель сможет дать характеристику и невольному убийце, и такой ли уж невинной его жертве.

СУДЬЯ Приглашайте своего свидетеля.

Входит директор детского дома.

ДИРЕКТОР Добрый день. Я Туришина Лидия Михайловна, директор детского дома №24.

СУДЬЯ Вам известно по какому поводу вы сюда приглашены?

ДИРЕКТОР Да, ваша честь. Я не могу сказать ничего про само убийство, но могу рассказать и о Диме и о Вите. Для меня, если честно, всё произошедшее – это шок. До сих пор шоковое состояние. Не только у меня, у всего коллектива детского дома.

Дима – это очень чуткий и добрый человек. Он даже никогда не повышает голоса, не то что ругается там, или ещё что. Как он пришёл к нам? Ну года три-четыре назад мы стали приглашать волонтеров, чтоб просто помогли нянечкам гулять с детьми. Приходили и парни, и девушки. Немного, но приходили. Кто-то сразу уходил, как только узнавал, что волонтер – это бесплатно. Кто-то, немного поработав, больше не возвращался. А Дима вот уже три, наверное, года приходит, гуляет, даже играет с детишками. Дети его любят, я бы даже сказала, больше чем просто любят, - они его обожают! Они ждут, особенно те, которые поменьше, лет четырёх-пяти. Он уходит, они про него постоянно говорят, и я, честно, не видела, чтоб парень так любил возиться с детьми. Он ведь их тоже любит. Это видно. Играя с ними, он сам похож на ребёнка, он так же смеётся с ними, делает что-то смешное, что им нравится. Вобщем дети с ним, похоже что счастливы.

Что касается Вити... он у нас давно работает. Тихий, спокойный... но как-то скрытный очень, не разговорчивый. Мы как-то не обращали на это внимания, не задумывались. И только сейчас, после этого случая начинают вспоминаться какие-то странности в его поведении. Он всегда наблюдал за детьми. Был где-то всегда в стороне и постоянно смотрел на детей. Молча. Он с ними никогда не играл, не разговаривал даже, просто смотрел. Но все дети знали, что это дядя Витя. Он у нас слесарем работал ну так, краны поменять, течь устранить, где-то мелкий какой-то ремонт сделать, подделать что-то, починить. На такую зарплату никто не придёт, а он работал. Молчал и работал.

Вот сейчас, когда вскрылись некоторые факты, ну фотографии какие-то нашли, я вдруг вспомнила трагедию в нашем дет.доме шестилетней давности. У нас повесилась тринадцатилетняя девочка. Тогда написали, что самоубийство. Хотя медики и сказали, что она уже ...не...ну вобщем не девочка...у неё был уже мужчина. Признаков насилия не обнаружили, и списали всё на психическое состояние, на жизнь в дет.доме. Хотя это было странно, она была очень жизнерадостной девочкой и строила очень много планов. (пауза)

СУДЬЯ Почему вы вспомнили про этот случай?

ДИРЕКТОР Дело в том, что это произошло буквально через полгода, как к нам устроился Виктор. И именно с Алиной (так звали девушку) общался Виктор. Больше ни с кем. Вот сейчас я почему-то думаю, что та смерть - не случайность. Ну не могла она повеситься. Но тогда кто бы об этом подумал? Вот и сейчас я уже верю тому, что Виктор приглашал к себе Олю. И ...я...вобщем...я не могла не прийти сюда сегодня. Я хочу попросить у Димы прощение за то, что испугалась тогда шумихи и не написала заявление на Квашего. Если бы я тогда дала делу ход, то, может, всей этой трагедии и не было бы. Прости, Дима.

СУДЬЯ Спасибо вам, свидетель. Подсудимый, вам есть что сказать? Что-то подтвердить, опровергнуть.

ДИМА Ваша честь, дети – это самое светлое, что есть в нашей жизни. (в зал заходит Лена, стоит в дверях. Дима её не видит.) Я завидую тем, у кого есть дети... мне 32 гда, женат 8 лет, и до си пор не посчастливилось стать папой. Почему так – кто-то хочет ребёнка, а не

получается зачать, родить....а кто-то рожает и потом издевается над детьми своими. Самое ужасное преступление – это преступление против ребёнка. Я так считаю. Мне кажется, каждый нормальный человек так считает. Ребёнок не может ответить, ребёнок не может сопротивляться и как оказалось, ребёнок не может быть даже защищён от этого. Ребёнку не верят, когда он говорит правду, ему не хотят верить. Легче всё списать на фантазию ребёнка. Даже этот случай...Оле ведь не поверили. Не важно, что её раздели, смотрели на неё... медики ведь сказали, что всё в порядке. Это всё её выдумка. А ведь ребёнок больше не скажет правду, он замкнётся в себе и не расскажет больше о своих проблемах. Вот меня обвиняют в умышленном убийстве, а ведь это я вызвал полицейских и сдал им Виктора. Я не убил, я позвонил и сдал. Я хотел, чтоб всё было по закону. А закон оказывается не то, что не на стороне ребёнка, он не верит детям. Но самое ужасное – я не могу сказать, что полностью раскаиваюсь. Раскаяться – это значит признать свою ошибку. А я ведь не ошибался. Преступник должен быть наказан, и если его не наказывает государство, то его наказываю я...я его наказал. Нельзя трогать детей. Нельзя! Нельзя их лишать детства. Вы знаете, я вот стою здесь и боюсь посмотреть в глаза родителей Виктора. И не потому, что я убил их сына, я боюсь прочитать в глазах отца Виктора одобрение моего поступка... Какой нормальный человек признает, что он воспитал убийцу и насильника? Но какой нормальный отец сможет нормально жить, узнав это...

ГОЛОСА РОДИТЕЛЕЙ ВИКТОРА

- Что он говорит?

- Пусть замолчит!

- Не смей так говорить, убийца!

СУДЬЯ Призываю к порядку. Подсудимый, у вас всё?

ДИМА Всё. Об одном жалею – пока я буду в тюрьме, никто не будет приходить в детский дом к детям.

ЛЕНА Я буду...я буду приходить.

ДИМА Лена?.. Лена...

СУДЬЯ Извините, вы кто? Вы свидетель?

ЛЕНА Прошу прощения, ваша честь, я жена Димы. (подбегая к трибуне) Да, я свидетель, я прошу меня выслушать. Дима не виноват, не садите его в тюрьму.

ПРОКУРОР Протестую. Данный свидетель не был заявлен в рамках заседания.

АДВОКАТ Да, собственно, и я не в курсе происходящего.

ЛЕНА Он не виноват, это я, это я виновата. В тот вечер я бросила его и ушла от него.

ПРОКУРОР Протестую.

СУДЬЯ Прошу тишины.

ЛЕНА Ваша честь, выслушайте меня, прошу.

СУДЬЯ Ну говорите, что уж.

ЛЕНА Это я виновата. В тот вечер я сказала ему, что беременна от другого и что уйду от него к отцу ребёнка. Мы сильно поругались. И вот к его трагедии по поводу Оли, добавилась ещё и эта семейная драма. Я не должна была оставлять его в таком состоянии. Простите, простите его. Он не виноват. И конечно же никакого замысла убийства не было.

Он был зол, да – дети для него всегда больная тема. Но он...он хороший, он добрый. Не судите его.

СУДЬЯ У вас всё? Суд удаляется на совещание. В слушанье дела объявляется перерыв на 30 минут.

Все встают, суд уходит. Лена садится на скамейку рядом со скамьёй подсудимого. Они смотрят друг на друга. Проходит достаточно много времени в молчании.

ЛЕНА Я УЗИ сделала. Мальчик будет.

ДИМА Счастливые. Желаю вам быть хорошими родителями.

ЛЕНА (волнуясь, «ломаая» руки) Понимаешь..это УЗИ... оно как бы точнее первоначально поставленных сроков...ну..ну оно показало, что срок почти на две недели больше, чем тот что нам ставили. Я уже почти на седьмом месяце...

ДИМА Поздравляю. Быстрее на две недели малыша увидите.

ЛЕНА Да, но...Он посчитал по календарю, и в тот месяц...ну когда ставят зачатие, мы с ним вообще не встречались. Он в командировке был почти месяц. Вобщем он сказал, что это не его ребёнок. Я ушла от него.

ДИМА А если не его, тогда чей?

ЛЕНА (долго смотрит ему в глаза) Кроме тебя и него у меня никого не было.

ДИМА (вскакивая) То есть... то есть это.. Ты хочешь сказать... это что же, это мой ребёнок? (громко) Это мой ребёнок!

ЛЕНА (пожимая плечами) Если хочешь, мы сделаем анализ ДНК, я пойму тебя.

ДИМА Нет! Нет! Не надо ДНК. Это мой ребёнок! Это мой ребёнок! (громко) У меня будет сын! Я стану папой! Скоро мир узнает нового папу!

ЛЕНА Я уверена, ты будешь лучшим папой в мире.

ГОЛОС СЕКРЕТАРЯ Встать, суд идёт.

Заходит судья, начинает читать приговор. Дима и Лена стоят, смотрят друг на друга.

Звучит музыка, они не слышат, что говорит судья. Они полностью поглощены друг другом.

Конец.

лето 2013 г.